

Рассветоносцы. Книга I: Предвестники / Dawnbringers. Book I: Harbingers (кампания)

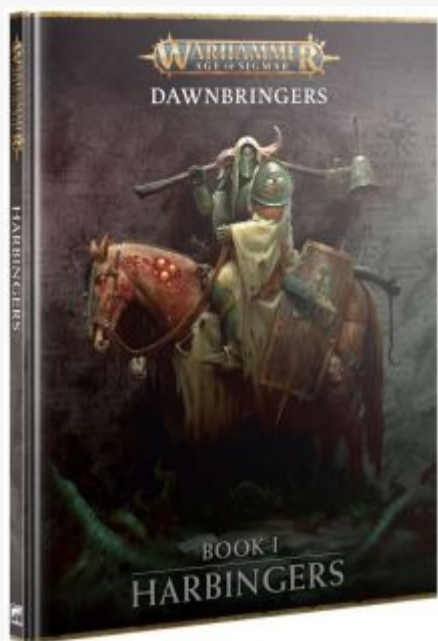
Перевод коллектива "[Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "[Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения](#)". Их группа VK находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Рассветоносцы. Книга I:
Предвестники / Dawnbringers. Book I:
Harbingers (кампания)*

Переводчик	Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения
Издательство	Games Workshop
Серия книг	Рассветоносцы / Dawnbringers
Год издания	2023
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Кровь – вот, к чему всё идёт, и уж кому как не нам, акшийцам, это понимать. Честно говоря, иного пути просто нет; идеи о грандиозном отвоевании – это, конечно, хорошо, но за них всегда приходится платить кровью. А кровь, как все мы с вами знаем, имеет свойство страшно смердеть. Нанеси малейший порез, и хищники мигом сбегутся на пиршество. Вот и поглядим, кто в конечном счёте прольёт больше крови.

Катрика ле Гильон, главнокомандующая Хаммерхола

□

Содержание

Предисловие

Глава 1. Затаив дыхание

Глава 2. Дождь сомнений

Климат ужаса

Глава 3. Предвестники в пути

Переговоры с герольдом

Глава 4. Во власти безнадёги и отчаяния

Королевский дар

Глава 5. Герольды костных свитков

Глава 6. Предвестники разложения

Глава 7. Резня на пороге

Подземная активность

Глава 8. Пламя очищения

Дети Гримнира

Глава 9. Подземная угроза

Грабежи и погромы

Глава 10. Посреди пламени

Глубинное пожарище

Предисловие

«Грядёт новый рассвет», – без устали твердят проповедники городов Зигмара. День за днём звенит походный колокол, и под приветственные возгласы горожан гордые рассветоносцы выходят за стены. Эти отважные мужчины и женщины бросают вызов той преисподней, в которую превратились владения. Они теснят порчу Хаоса и возводят новые бастионы рода смертного с верой в то, что из Азира сам Бог-Король наблюдает за их деяниями, что он благословляет их силой своей праведности и убеждённости.

Но воля Зигмара не единственная в этих несчастных владениях.

Эфирная ярость Гура, Владения Зверей, барабанной дробью разносится в космосе, повергая и земли, и чудовищных тварей в состояние дикого помешательства. В бешеное сердцебиение царства вплетаются дрожь и другие ноты раздора. Под вулканическими пиками огнекровные сыны Гримнира ведут нескончаемую войну против камнешкурых чудищ и их визгливых союзников. Дни идут своим чередом, а

натиск их становится всё сильнее.

С рубежей расширяющейся империи Зигмара приходят вести о бедах и всеобщем смятении, о чёрных дождях, которые льют без конца, и о пророках, чьи головы покрыты капюшонами, о чуме отчаяния и, наконец, о глашатаях, что приходят с проклятыми мольбами. В котёл сомнений и тревог вливается крепнущее чувство неотвратимости, и некоторые шепчутся между собой, что над владениями повисла вторая тень тьмы, подобная тому безумию, которое однажды чуть не сгубило их целиком.

Но если что-то и оставалось незыблемым на протяжении веков раздора, так это зов битвы. Какое бы зло ни угрожало паутине судеб, оно будет обуздано или отброшено, впрочем, как и всегда – клинком, щитом и молотом.

Глава 1. Затаив дыхание

Даже самый заурядный простолудин мог ощутить нарастающее рвение в воздухе. Оно вспыхивало, словно пламя, пульсировало жизненной силой природы, но, и его можно было погасить. Нечто зловещее стремилось подорвать великое предприятие Зигмара, и единственным оружием против него была неустанная бдительность.

Всё началось в Храме Зигмара Возжигателя.

Речь, конечно, не о войне за владения, которая бушевала веками, ещё до того, как Хаос превратил большую их часть в сущий ад на земле. И даже не об Эре Зверя, ибо истоком нынешних раздоров служит тот день, когда бог Крагнос, сотрясающий землю копытами, привёл свои разрушительные орды к стенам Эксельсиса, зигмаритской столицы Гура.

Судьба вмешалась в планы бога землетрясений, хотя от Эксельсиса в итоге мало что осталось. Ярость продолжила распространяться по Гуру, словно какая-то чума, заставляя диких тварей и варварские кланы бросаться на потрёпанные линии обороны всей цивилизации. Однако последователи Зигмара не стали сидеть сложа руки. Они взялись за организацию масштабных военных предприятий, рассветоносных походов, и так начались ответные вторжения на территории приспешников Губительных Сил; они очищали земли и возводили новые поселения посреди мест магической силы, известных как геомантические средоточия. Опасность была столь велика, что из множества походов лишь горстка увенчалась успехом, однако решимость смертных была непоколебима, и владения Бога-Короля постепенно расширялись. Своими проповедями духовенство этому всячески способствовало, хотя простые люди и сами прекрасно справлялись, потому что истории о победах, словно пожар, передавались от города к городу.

Однако в районе Палёных Холмов, что в Хаммерхоле-Акша, ходили толки совсем иного рода. В Храме Зигмара Возжигателя безымянная группа вандалов осквернила фреску с изображением бога бури, и теперь она стала похожа на гиганта с тремя глазами, объятых чёрным пламенем. Были выдвинуты обвинения, вынесены приговоры, проведены казни, но ни разу не было представлено окончательных доказательств личности богохульников. Со временем о таком никто бы даже не вспомнил, однако инцидент послужил зловещей прелюдией к тому, что обрушилось следом.

Происхождение «судорожной чумы» и то, как она впервые проникла в вольные города, было неизвестно. Поначалу страждущие проявляли апатию, надеясь, однако, что её удастся одолеть яркой проповедью и тяжёлым трудом. Когда же в числе симптомов появились бледное восковое лицо, пустой взгляд, шаркающая походка и неудержимая дрожь, а безразличие переросло в кататонию, народы Зигмара

забили тревогу. Не пощадили никого. Рассветоносные офицеры с остекленевшими глазами предстали перед военным трибуналом за отказ выйти на марш, а жрецы позволили сжечь себя за подстрекательство к мятежу, вместо того чтобы внушать обманчиво оптимистичные истины своим прихожанам.

Арманд Каллис, агент Ордена Азира, когда-то служил капитаном эксельсийских вольных гильдий. При всём при этом он был весьма светским человеком и понимал, что сплетни о сильных мира сего – это то, на чём зацикливаются простолюдины. Но и здесь, в промышленных недрах Хаммерхола-Акша, чума просочилась не менее глубоко. Миазмы уныния душили всё на своём пути, и в сравнении с ними мерк даже явный, всепроникающий смог от фабричного производства, масштаб которого и по сей день вызывал потрясение в Каллисе, уроженце Тондии. Горожане, которые обычно с удовольствием шли на свою работу, говорили о мучительном, скребущемся в душе чувстве никчёмности, и по многим тавернам разносилась тягостная болтовня, предсказывающая вторую Эпоху Хаоса. Любые опасные разговоры Каллис распознавал, едва услышав, но к тому моменту они успели распространиться даже за стенами Хаммерхола.

Один из культов судного дня, возникших совсем недавно, стремился сорвать производство боевой техники для рассветоносцев, движимый желанием приблизить неизбежный конец. Так, по крайней мере, думал Каллис. Его предположение разделяли и другие: в последнее время Ганнивер Толл слишком уж часто оказывался среди остывающих трупов, очищая пистолет от порохового нагара. Опытный охотник на ведьм (и по совместительству наниматель Каллиса) понимал, что ситуация, должно быть, плачевная, раз в Хаммерхоле понадобились агенты с самого побережья Бивней, что в Гуре; однако с каждым днём масштаб угрозы становился только очевиднее. Верные Зигмару колебались. Большая часть Серного полуострова, куда пришёлся перевозосимый всеми первый удар по Губительным Силам, вновь оказалась под натиском Связанных Кровью, и скрыть эту истину городские пропагандисты просто так не могли. Дёрганое чувство неизбежности, преследовавшее Каллиса и Толла, явно не было необоснованным. Последствия работы с судорожной чумой давали о себе знать.

Охотник на ведьм был осведомлён, что власти уже предпринимают действия по обузданию беспокойства. Зейн Делорий – Сокрытая Длань Хаммерхола (несколько более политизированный термин для начальника шпионской сети) – не позволял секретам ускользать в народ (за исключением нескольких, тщательно им же отобранных). Члены Конклава готовились к контрнаступлению. Его природа пока не была обнародована, однако, учитывая яростные инстинкты хаммерхольцев, Толл имел свои догадки на этот счёт. Тот факт, что ему было поручено следить за бесперебойной работой оружейных заводов Хаммерхола-Акша, говорил сам за себя. Буря Зигмара разразилась во Владениях Огня и Жизни, и ритмы символизма требовали, чтобы народ Бога-Короля начал своё величайшее предприятие именно здесь.

Конечно, если его не задушат в зародыше...

Глава 2. Дождь сомнений

Священные воды проливными дождями орошали Земли Вечной Весны. Пытаясь сдержать судорожную чуму, Аларизель Вечная Королева вызвала затяжной исцеляющий ливень. Но пока население Хаммерхола-Гира праздновало эту волну обновления, среди правящего сословия царило беспокойство...

Вот уж несколько недель над Гираном стояла непроницаемая стена дождей. Выйдя на улицу без тростникового плаща, человек в считанные минуты промокал насквозь. И немудрено, ведь дожди эти

были далеко не природным явлением. Во владении, омрачённом нечестивым вниманием Нургла, любой необычный феномен явно не сулил ничего хорошего, но на сей раз вода орошала землю чистым, прозрачным потоком, а не струями мутного гноя. За дело взялась богиня-мать всея Гирана, Аларизель Вечная Королева.

Отношения меж Аларизель и народом Зигмара не всегда складывались гармоничным образом, но богиня не желала видеть, как люди гибнут под натиском судорожной чумы – порчи, которая могла излиться лишь из прогнившего котла Нургла. Энергия, полученная Аларизель в ходе Обряда Жизни, теперь пронизывала её божественную форму и была ответственна за возобновившийся цикл роста во владениях. Гиран заслуживал передышки, и у Вечной Королевы наконец-то появились силы, чтобы её обеспечить. Пустив в ход весь потенциал своей божественной смекалки, Аларизель призвала воды, наполнявшие чистые внутренние моря Гирана, и подняла их в небеса. Всюду, куда ниспадала эта благословенная жидкость, моровые язвы очищались, посевы исцелялись от болезней, а смертные излечивались не только телом, но и душой.

В тирийском городе Сликстон походные предприятия зашли в тупик, когда судорожная чума сгубила весь его Великий Конклав; некоторые советники были обнаружены буквально вросшими в свои стулья, столь глубоко пустила корни их летаргия. Однако командиры городских армий преисполнились свежей энергии под хлынувшим Ливнем Аларизель и со всей поспешностью собрали полки первопроходцев, обученных бою в джунглях.

Самые сильные дожди шли в Вердии, где располагался Хаммерхол-Гира, аграрный центр империи Зигмара. Под этим живительным потоком процветало головокружительное множество террасных ферм. Горожане выходили из своих жилищ, чтобы искупаться в целебных водах, и пока язвы затягивались, а струпья отслаивались, они пели хвалу Вечной Королеве. Волна оптимизма захлестнула Хаммерхол-Гира, и всё, к чему она прикасалась, наполнялось походным духом и ратным воодушевлением.

Практически всё.

Леди Надиан Зелёный Шип, матриарх-гиранис, стала совсем уж редко появляться на советах Великого Конклава Хаммерхола-Акша. Официального объяснения дано не было, но те, кто её видел, начинали судачить. Надиан заметно постарела. Её морщинистое лицо стало напоминать дубовый жёлудь, а в её стриженных волосах проглядывали седые пряди, заставляя некоторых опасаться, что судорожная чума вот-вот заберёт у них величайшего политика Хаммерхола-Гира. Правда, однако, проистекала из куда более искреннего отчаяния.

Будучи губернатором целой половины Двухвостого Города, Зелёный Шип лучше других понимала опасность пограничной заразы. Аларизель бросила вызов влиянию Нургла, но возмездие Чумного Отца не заставило себя долго ждать. Метеоарканисты принесли весть о всяко более зловещих дождях, хлынувших на землю, о вязкой жиже, которая всё обращала смердящей грязью, и о потопах, в сущности которых прослеживалась демоническая природа. Навстречу пагубному ливню то и дело выступали чистые потоки Вечной Королевы, и где бы они ни сталкивались, враждующие наводнения стирали всё на своём пути. Леди Надиан даже нашла этому именование: «Поединок Дождей».

Климат ужаса

Но даже это была не самая большая угроза, с которой столкнулся Хаммерхол-Гира. Священные дожди не могли просочиться повсюду: в пещерах и на складах расплодились жирные насекомые, со жвал которых капали нечистоты, и маги-друиды распознали в них созданий самого Нургла. Их появление было самой

настоящей прелюдией к вторжению. Зелёный Шип понимала, что Ливень Алариэль рано или поздно прекратится: Вечная Королева была творением циклической природы, а значит в надлежащий час она непременно вернёт воды другим землям. Когда дожди отступят, растворится и тайная сила, сдерживавшая судорожную чуму. Народ Хаммерхола-Гира должен был уверовать в свою защищённость, ведь если город падёт из-за сомнений, империя Зигмара лишится главной житницы.

На протяжении нескольких дней в голове леди Надиан шла борьба, когда она снова и снова оценивала вероятные потери под аккомпанемент старинных часов хамонской работы. Она верила, что город нуждается в новой стратегии, и так пришла к мрачному заключению. Единственным доступным источником живой силы для поддержки гарнизона Хаммерхола-Гира были зигмаритские оплоты, основанные его же армиями. Подобно тому, как кровь отступает к сердцу и оставляет обмороженные конечности чернеть и отмирать, призыв солдат в столицу обрёл бы на гибель многие приграничные поселения. И даже если оплоты выстоят перед угрозой судорожной чумы, они, должно быть, падут под натиском полчищ Нургла.

Но матриарх-гиранис не была жестоким человеком. Каждый обречённый оплот болью отзывался в её сердце, и даже если бы она могла скрыть своё решение от благородных Освящённых Рыцарей, дислоцированных в Хаммерхоле-Гира, она этого не сделала бы. Грозорождённые понимали необходимость таких суровых мер, при этом многие из их числа поклялись выступить и укрепить поражённые оплоты, с разрешения Конклава или без него. Увы, на каждое спасённое поселение Освящённые Рыцари опаздывали на подмогу к двум другим, находя лишь паразитов, кишасших среди затопленных руин, да трупы с застывшими гримасами отчаяния. Надиан взяла за правило со всей внимательностью читать каждый отчёт, который Грозорождённые присылали в её резиденцию, поскольку из соображений совести она желала знать цену своих приказов.

Что весьма необычно, среди докладов о творимых врагами зверствах прослеживалась нить странной истории. В северных оплотах Вердии Грозорождённые обнаруживали следы борьбы и полуобглоданные трупы, но ни целых тел, ни следов чумы они не видели. Кровавые письма, намалёванные на стенах, возносили хвалу «благородному сэру Джерриону» и провозглашали верность некоему «Летнему Королю», а множество звериных следов вело прочь из этих населённых пунктов. Но даже тогда мало кто мог предположить, что все эти странности определяют грядущую войну.

Разливаясь по Хаммерхолу-Гира, животворящие воды Алариэль скапливались на металитах, дрейфующих над террасами городских ферм. Всюду, где земля наполнялась водой, урожай процветал – и хитрые сельскохозяйственные бароны не могли этого не заметить. Между влиятельными аграрными гильдиями города вспыхнула ожесточённая конкуренция: каждая так и норовила приковать «благословенные» металиты над собственными земельными участками. Иногда в трущобах вспыхивали откровенные беспорядки. Однако в одном все они были согласны: гильд-лорды под покровительством Веналия, маркиза-экспортиама всея Хаммерхола, чаще остальных получали дары от металитов и вскоре мёртвой хваткой вцепились в городской рынок.

Глава 3. Предвестники в пути

На первый взгляд работа действительно спорилась: судорожная чума быстро распространялась по землям Гирана. Однако зараза эта оказалась не единственной в своём роде, и непредвиденные осложнения не давали покоя нурглитским счетоводам...

Алариэль оказалась права в своём предположении, что за судорожной чумой стоит дедушка Нургл.

Однако, в отличие от многих его «даров», новая порча распространялась по определённом вектору, коим служили предвестники разложения. То были глашатаи отчаяния, войны, овеянные мерзостью и пагубной благосклонностью своего божества. Их зловонное братство существовало веками, но лишь сейчас они явили всю свою силу.

В арсенале предвестников всегда было место для судорожной чумы, оружия действительно грозного, но в таких масштабах они ещё ни разу не выпускали её в свет. Смертоносность пандемии требовала грандиозных ритуалов и массовых жертвоприношений, и лишь немногие могли обязать герольдов Нургла прибегнуть к такому серьёзному средству. К несчастью для владений, вараньи гвардейцы – приближённые самого Всеизбранного – входили в их число. Давние договорённости связывали крепкими узами предвестников разложения и элитных рыцарей Архаона, которые на сей раз потребовали сломить волю рассветноносцев, особенно в Гиране. На Земли Вечной Весны у гвардейцев были собственные планы, хотя своего злоначальника они упоминали лишь как «Её Высочество Погибель». В конечном счёте, настроить предвестников против Вечной Королевы оказалось совсем нетрудно, ведь любой удар, нанесённый по Алариэль, был только в радость их любимому дедушке.

Ливень Алариэль привёл их в бешенство, ибо воды его исцеляли как телесные, так и духовные болезни. Однако у предвестников тоже был свой козырь в рукаве. Они отправились в скверные земли Сыри и прибыли ко двору самого Ротигуса, Отца Дождей. Высший демон не смог стерпеть оскорбление, коим сквозили благословенные воды Вечной Королевы, и расщедрился на самый отвратительный потоп со времён Эпохи Хаоса. С таким зловонным шквалом чума сомнений мгновенно захлестнула пограничные территории Зигмара, и вскоре к предвестникам присоединились судорожные братства – избранные Гнилоносцы, которые были до того воодушевлены отчаянием других, что целыми «стадами» стекались на горестный зов.

Поселения, оказавшиеся на пути наводнения и привлёкшие внимание предвестников, неизбежно пали, но лишь после того, как встретили семь ужасных знамений. Такая основательная подготовка позволяла предвестникам взывать ко всей мощи Нургла – хоть и страшно нервировала вараньих гвардейцев, не скупившихся на угрозы. Герольды, в свою очередь, сносили оскорбления с присущим им флегматичным терпением. Вот только не везде заражение шло по плану. В северной Вердии, где орудовал Фулгот Скупец, распространение судорожной чумы значительно замедлилось. Миловидная сыпь отчаяния столкнулась с непредвиденным препятствием: на пути предвестника стали попадаться полностью заброшенные оплоты, не несущие никаких признаков судорожной чумы. А в силу того, что отчаяние питается самим собой, духовная бесплодность самой земли могла поставить крест на заражении.

Чтобы разгадать эту загадку, Фулгот решил прибегнуть к пророческому дару своего ордена. В ходе жертвоприношений его приспешники извлекали поражённые оспой внутренности из тел смертных, копались в них и изучали каждый мясной комочек с точностью, присущей древним гаруспикам. Они воззвали к повелителю личинок, Блобу Гнилородцу, и его шпионские рои демонических мух принесли весть о некоем «сэре Джеррионе», который поднимал сопротивление в Вердии. Узнав о том, Фулгот решил выследить и убить этого воина. У предвестника были собственные методы: подобно волшебнику, наблюдающему за магическими частицами, что трепещут под стеклом чудоскопа, подобно торгашу удачей, швыряющему игральные кости, Фулгот верил, что закономерность в повадках смертных, поражённых судорожной чумой, приоткроет ему будущее. Каждому мучительному воплю, каждому злодеянию, вызванному невыносимыми страданиями, – всему нашлось место в его пророческом уравнении, пока вращалось ржавое колесо судьбы. И целых три оплота сгнули в небытии, став топливом чудовищных расчётов Фулгота, прежде чем скользкие струны причинно-следственных связей отзвенели имя Даленполя.

Толл,

Вас призвали в Хаммерхол с одной единственной целью: изучить чуму сомнений, распространяющуюся в городской утробе, и разобраться с теми безвольными негодьями, которые становятся её жертвами. Огнём, мечом, пальцекусом или свинцовыми пулями – чего бы вам это ни стоило, лишь бы искоренить всю эту мерзость. На том ваши полномочия кончаются. Ваше мнение касательно походных планов, – которые в настоящее время пересматриваются Великим Конклавом, – абсолютно несущественно и ни коим образом не приветствуется. Малейшее допущение, что действия членов нашего августейшего органа могут способствовать дальнейшему распространению чумы, ошибочно и отдаёт подстрекательством к мятежу.

Насколько я понимаю, вы много времени провели в Гуре, и, быть может, это лишило вас всяких манер. Тогда позвольте мне напомнить: ваши коллеги из Ордена Азира трудятся в поте лица, чтобы выведать любой намёк на коррупцию среди элит богатейшего города Бога-Короля. Если кто-нибудь окажется повинен во грехе, они, без сомнения, первыми возопят о том с вершины самого Буреразлома. Позвольте тем самым успокоить ваши подозрения и переориентировать ваше внимание на более насущный вопрос. Какие бы жертвы ни потребовались от нас, Хаммерхол выстоит. Останетесь ли вы на хорошем счету к концу всей этой суеты, зависит только вас.

Брутар,

великий мажордом Хаммерхола

Переговоры с герольдом

Не успел Потоп Ротигуса добраться до стен Даленполя, как Фулгот и его ученики опередили нечестивые дожди, чтобы наслать на оплот семь знамений грядущего рока. Скот издох, идолы поддались скверне, а ржавые колокола подняли печальный перезвон. На седьмой день, с неприличной для предвестника поспешностью, Фулгот возглавил личное судорожное братство, Круг Горести, и учинил расправу над оставшимися защитниками, предав пламени весь Даленполь. А затем он стал ждать.

С воцарением сумерек, по зову скверного дыма, добыча нурглиа заявила прямо к нему на порог. Издалека от них прямо-таки веяло царским величием. Воины маршировали бок о бок с внушительными чемпионами, а во главе шагала осанистая персона, в руках державшая большой жезл власти. Лишь когда они прошествовали под лунным светом, истина открылась черверодьям: рыцари были огороподобными извергами, а солдаты – горбунами с выпученными глазами и слюнявыми, заляпанными кровью мордами.

Во главе делегации каннибалов ковылял её предводитель. Фулгот был наслышан о безумии упырей, но едва ли мог поверить, что эта тварь, волочащая косу, гремящая костями и гогочущая прямо ему в лицо, – тот самый сэр Джеррион, о котором было сложено столько героических песен.

Слова упыриного герольда – по крайней мере те, что можно было разобрать – были исполнены осуждения. Назвавшись посланником Летнего Короля, он обвинил Фулгота в дьявольском чаротворстве, навлекшем отчаяние на жителей этого края. Лишь благодаря героическому подвигу, как выразился герольд, ему и его товарищам удалось сплотить вилланов и поднять их на защиту своего господина. Но увы, продолжал он, спасти благородную Саметию они не успели. Фулгот не знал ни одного владыку, носившего титул Летнего Короля. Саметия же была давно павшим городом, чьи руины легли в основу Даленполя, и значилась она только на древних картах. Однако кости Джерриона, источавшие магию, что извращает рассудок, равно как и зигмаритские символы, вытатуированные на коже некоторых его упырей, прекрасно давали понять, как герольд «сплачивает» смертных.

В своей горькой гордыне Фулгот не желал признавать, что упыри – сила, равная его благословенным воинам. Однако он не стал увливать от угрозы. Став жертвами наваждений и потеряв всякую связь с реальностью, вкусившие, похоже, обрели некую форму устойчивости к судорожной чуме. Если

Джеррион «завербует» ещё больше людей, они смогут объединиться в настоящую орду и замедлить продвижение черверодий, а значит презренные зигмариты получают шанс укрепить свои позиции. Воля дедушки была ясна как день: Джерриона и его приспешников необходимо заключить в объятия отчаяния - и, похоже, самым безжалостным образом.

Глава 4. Во власти безнадёги и отчаяния

Посреди руин Даленполя развернулось чудное и жестокое противостояние - битва меж прислужниками горя и безумства. Черверодья были неумолимы, ибо отчаяние истреблённых ими смертных подпитывало их силы. Но и сэр Джеррион кое-что припрятал в рукаве...

Битва разразилась среди всё ещё дымящихся руин Даленполя. Уступая числом, воины Фулгота превосходили врага своей мощью. Гнилоносцы пресытились отчаянием и буквально корчились от нечистой силы, их обрюзгшие туши сминали полуразрушенные стены, и всюду, где влажная плоть касалась камня, зигмаритские символы заплывали жидкой грязью. Бросив вызов особенно крупным и свирепым на вид тварям, короли пагубы принялись орудовать своими ржавыми клинками, заливаясь смехом и соревнуясь в придумывании самых унижительных, фальшиво-благородных обращений к каждому из прятких каннибалов.

В увеселениях своего судорожного братства Фулгот не участвовал, но виной тому был не только горький нрав, властвующий над ним от сотворения. Предвестника что-то тревожило, вот только причину этого чувства определить ему не удавалось. Прямо у него над головой стая крылатых, мускулистых упырей сцепилась с чумными рыцарями, восседающими на раздутых демонических мухах, но для Фулгота это был всего лишь монотонный гул в неустойчивом ритме мыслей и подозрений.

Лёгким галопом его зачумлённая кляча мчала по полю боя, и никто не мог обвинить Фулгота в том, что он медлит с воззванием к благосклонности Нургла. Каждый удар его косы рассекал жилистую плоть. С каждой булькающей молитвой, с каждым взмахом гниющих пальцев каннибалы покрывались бубонами и взрывались смердящими внутренностями. И всё это время Фулгот не переставал искать Джерриона, следуя предостережению собственных кишок, опасливо свернувшись в животе. Он убивал и искал, убивал и искал, и в один миг жертва-таки показалась ему на глаза, а с ней - и её чудовищный телохранитель. Во владении крючковой косой Джеррион демонстрировал немалую сноровку: её костяные украшения брякнули, когда он обезглавил очередного приспешника Фулгота. Но стоило предвестнику вспомнить о неповиновении упыря, и всякое уважение растаяло перед желанием наказать нечестивца.

Фулгот вогнал шпоры в омертвевшую от болезней плоть своего коня, и землю окропили струи кровавого гноя. Рванув вперёд, он вскинул свой скромный клинок, и словно кожные струпы с него посыпались кусочки ржавчины. В желудке каждого, кто оказался поблизости, разверзлась бездна негодования, ведь именно эти клинки служили переносчиками судорожной чумы. В дни давно минувшие предвестники обнажали их, когда на кону стояла жизнь того или иного чемпиона. А потом Варанья Гвардия отдала им особенный приказ: разжечь пандемию, которая захлестнёт всё владение.

Фулгот направил клинок на Джерриона, и на лезвии проступила слизь. Гортанные звуки слились в заклинание. Остриё меча испустило осязаемый поток боли, вобравший в себя все обречённые мечты, все разрушенные надежды. Даже самых крупных упырей поразила эта волна; тут и там иллюзии рассеивались, и, словно колоски, опавшие перед косой, чудовища скорчились на земле. Многие в одночасье покончили с собой, не в силах вынести кошмарную реальность своего бытия. Даже Джеррион не устоял. Бледная плоть герольда покрылась ноющими чёрными язвами, когда все сомнения,

скрывавшиеся под личиной безумца, проступили наружу и воплотились в форме болезни. Фулгот вывернул свой клинок, отчего судорожная чума окрепла и повергла Джерриона на колени, и обладай предвестник смертными чертами, он бы ухмыльнулся при виде этой картины.

Ганнивер умеет это не показывать, но я знаю, когда он в ярости. Думаю, он не рассчитывал на то, что Брутар окажется таким невыносимым. Я бы ему пригодился. Да уж, типичный, мать его, азирец. Вопит что-то о чистоте, пока ноги его топчут простых людей, мешая их с грязью. У Ордена нет ни времени, ни ресурсов, чтобы должным образом следить за каждым членом Конклава. В борьбе с судорожной чумой им приходится держать на контроле каждую вспышку, причём в обоих владениях. Порой – даже тушить настоящие пожары. Ганнивер считает, что некоторым членам совета можно верить: может, Менчу, может, ле Гильон, может, даже Делорию. Не могу сказать, что разделяю это мнение. Во всяком случае, есть там люди и похуже... видит Бог-Король, нам придётся пустить в ход всю свою «изобретательность», коли мы хотим сохранить душу Хаммерхола в чистоте.

Отрывок из дневника Арманда Каллиса

Королевский дар

Даже Фулгот не смог бы точно описать, что за этим последовало. Ещё несколько секунд назад Джеррион бился в судорогах, цепляясь за безделушки на своей косе, и силы покидали его, как вдруг трупные пальцы обхватили свисающую кость и, сжав со всей силы, переломили её пополам. С ослепительной вспышкой наружу выплеснулась багровая энергия, словно кровь из разорванной артерии, и настолько пронизательным оказался этот эфирный всплеск, что даже Фулгот был вынужден прикрыть глаза. Его клинок опустился, натиск судорожной чумы ослаб...

...и замелькали видения. Прогнивший разум Фулгота потонул в пучине безумия. Сожжённые руины Даленполя расцвели образами древнего города. Плющ кольцами обвил колонны, выточенные из твёрдой древесины. Джеррион взвыл, и кровожадная воля, исходящая от его реликвии, потеснила порочность Гнилоносцев. Бездумное единство упырей лишь усилило это давление: заразительная масса их заблуждений спуталась в эфире, словно нити льняного волокна в единую пропитанную кровью верёвку. Казалось, она вот-вот задушит приспешников Нургла, прервёт их пир отчаяния и так и оставит в полном оцепенении. На один невообразимый миг их выносливость, данная богом, ослабла.

Но этого хватило, чтобы маятник битвы качнулся в сторону. Джеррион и его реликвия стали кровавым маяком во тьме судорожной чумы, и упыри вняли его зову, готовые выплеснуть свою ярость. Даже те, кого коснулась чума сомнений, будто бы ожили в обуявшем их гневе – гневе, который превзошёл их собственный. Короли пагубы взвыли вместе с ними, паразитическое влияние их дедушки заглохло перед ликом такого бредового безумия. Чумные воины повалились на землю под напором хлынувших со всех сторон упырей, и Круг Горести – грязный костяк всего судорожного братства Фулгота – разорвался.

Быть может, битву ещё можно было выиграть, и надежда оставалась («Какая мрачная ирония, – подумал про себя Фулгот, – учитывая характер моего ремесла») – надежда на то, что ему удастся вымолить у Нургла обильные блага и обуздать прилив кровожадности, захлестнувший упырей. Но едва ли Даленполь был поворотной точкой в его судьбе, хотя то, что он явил предвестнику, значительно его встревожило. Сила, которой обладал Джеррион, теперь бушевала в его собратях-упырях под стать осколкам отравленного солнца. Праведник Нургла не мог поверить своим глазам: разгоревшийся пламень безумия не просто дал отпор судорожной чуме, он выжигал её подчистую. Фулгот чувствовал, как болезнь ослабевает, задыхаясь от мистического бреда, повисшего в воздухе. Соратников следовало предупредить, хоть при мысли об отступлении его кишки и крутило от негодования. Приказав своим

воинам звонить в ржавые колокола, Фулгот повернулся и пустил коня в неуверенный галоп. Кто из судорожного братства поспеет за ним, вернётся вглубь его чумных земель. Кто не сможет – будет пожран вопящими каннибалами.

Фулгот бежал из Даленполя, а позади него выли Джеррион и его последователи в знак преданности своему королю. Королю Лета и Падали.

Глава 5. Герольды костных свитков

Когда королевства омерзительных вампиров готовятся к войне - или, скорее, к пиршеству, - герольды костных свитков отправляются созывать чернь. И хотя они считают себя благородными посланниками, разодетыми в пышные наряды, весть, которую они несут, порождает темнейшее безумие...

Проклятие омерзения – это таинственная, едва ли объяснимая угроза, душевная болезнь, под воздействием которой живые существа деградируют в так называемых упырей. Упыри, в свою очередь, – это пещерные каннибалы, скрывающиеся в руинах разрушенных королевств и усыпанных костями склепах, хотя сами они воспринимают всё иначе. Кошмарное окружение видится им могущественными царскими вотчинами: себя упыри считают гордыми рыцарями и стойкими вилланами на службе у благородных монархов, склепы их – благоухающие пиршественные залы, а любой враг – страшнейшее из чудищ, с которым благородная душа обязана разобраться без всяких раздумий.

Как следует из названия, происхождение проклятья восходит к омерзительным. Эти вампиры – кровные потомки Ушорана, повелителя нежити из древних времён, чьё бытие окутано тайной. Слабые духом и отчаявшиеся становятся жертвами наваждений, стоит им приблизиться к омерзительному, и на протяжении многих лет бытовало мнение, что это единственный способ заразиться. Но появление странствующих чемпионов, известных как герольды костных свитков, опровергло сие убеждение наиужаснейшим образом.

Герольды костных свитков – фигуры внушительные. Они далеко не чистокровные вампиры, но при этом выше и крупнее простых вкусивших и несут на теле лишь первые признаки физической деградации. Некоторым живым они напоминают Нагаша в аспекте жнеца душ, вооружённого костяной косой и облачающегося в останки смертных. Но, как и со всеми упырями, под такой личиной кроется нечто большее. Герольды костных свитков видят себя не разрушителями, а посланниками, что были призваны заручиться поддержкой крестьян и братских владык. Во имя цели им часто приходится лично вступать в битву, но упыри воспринимают герольдов не просто как грозных воителей, предельно осмотрительных и заслуживающих доверия, но ещё и как сдержанных военных дипломатов, разодетых в богатые мантии и обладающих вдохновенными ораторскими способностями. Преданная свита следует за ними попятам – целые толпы, поднявшиеся на защиту королевства и считающие герольдов божественными миссионерами.

Герольды костных свитков обвешивают себя «роскошными подарками от богатых союзников» – иными словами падалью и потрохами, что остаются на поле боя. Среди всей этой мясной каши едва ли можно что-то разобрать, однако с помощью ведьмовского видения стороннему наблюдателю удастся уловить кровавую дымку, окутывающую некоторые из костей. Для герольдов это своего рода футляры, в которых хранятся драгоценные свитки и которые им необходимо доставить в тот или иной уголок владений. В сущности такие послания являют собой костные останки – зачастую бедренные и плечевые кости, покрытые кровью и до такой степени насыщенные проклятием омерзения, что аура безумия, овевающая большинство упыриных королей и их архирегентов, значительно уступает им в могуществе. Многие

герольды исполняют волю упыриных дворов – или притираются к другой нежити в качестве «иностранных советников», – но среди вкусивших ходят толки, что все они клянутся в верности единому повелителю и стремятся перекроить владения в соответствии с замыслом своего загадочного сюзерена.

Любой, кто приблизится к герольду костных свитков, рискует стать заложником жестоких наваждений, а стоит упырю «прочитать своё послание», вытянув проклятый костный мозг из надломленной кости, словно свиток пергамента, и неконтролируемое безумие распространится подобно ожившему пожарищу в лесных угодьях. Горячая дымка вампирского помешательства окутает саму реальность, и заклятые враги взвоят до хрипоты, когда разум их подчинится одной единственной потребности – отведать вкуснейших сладостей (или полакомиться плотью и внутренностями любого, кто окажется поблизости).

Даже самые стойкие души не защищены от такой магической западни, и потому герольдов вечно окружают толпы пускающих слюни упырей: одни – свирепые «рыцари» или особенно пылкие «вилланы», сопровождающие воинов-посланников в странствиях по владениям, другие – встретившиеся на пути герольдов враги, не так давно ставшие жертвами костных свитков и деградировавших до неузнаваемости в своём людоедском бешенстве. Каким бы ни было их происхождение, упыриные паствы беспрекословно подчиняются герольдам и тем самым наделяют их упорством истинной нежити. Реальность такова, что сколько бы пожирателей плоти ни сгинуло в походе, на их место всегда встают новые, готовые на всё ради достижения господской миссии.

Плевать я хотел на речи маршалов и клятых конклавщиков – Вечная Королева затуманила их взоры. Сэр Джеррион – герой, и никто этого не отнимет. Он не оставил нас в терновнике Гирана, под дождями, льющими денно и ночью, пока наши лучшие солдаты нянчатся с кучкой магнатов и фермеров. Он и его рыцари всё ещё там, всё ещё сражаются, сплывают народ против этих мерзких отродий чумы. А ещё говорят, что он всего лишь один чемпион в армии какого-то великого развесёлого короля. О, адова погибель, за таким владыкой я готов отправиться хоть в самое пекло. Особенно, если пиры его так же хороши, как сказывают менестрели.

Эддок из Даленполя

Глава 6. Предвестники разложения

Когда голод и отчаяние накрывают земли смертных, а кругом звучат роковые знамения, в путь выступают предвестники разложения. Будучи сгорбленными, закутанными в капюшоны проводниками воли Нургла, эти чемпионы беспокоят даже своих собратьев Гнилоносцев; для врагов же они – не что иное, как воплощение чистой безнадёги.

Сборища последователей Нургла часто сравнивают с деланно весёлым карнавалом. Но, несмотря на вопли ликования, иной звук вселяет сущий ужас в сердца врагов Чумного бога: медленный, размеренный стук копыт. Из-за жёлтой дымки, из вересковых зарослей выплывает кошмарная фигура, одежды свисают подобно складкам гангренозной плоти, гнилые рога венчают голову с капюшоном. Её кляча пригибается к земле под тяжестью своего мучительного существования, и плоть её настолько изъедена личинками, что местами проступают повреждённые кости. Сей всадник принадлежит к предвестникам разложения, существам, которые преследуют всего одну цель: укоренить энтропию как в физическом, так и в духовном измерениях.

В демонологических трактатах Нургл часто фигурирует как бог поветрий, однако не стоит забывать о том, что он ещё и божество отчаяния – чувства, порождённого смертными, которые жаждут погрузиться в страдания и ничего не предпринимать ради лучшей жизни. Предвестники разложения – носители этой

гибельной силы. Несчастье исходит от них, словно миазмы: волны неподъёмных сомнений завладевают сердцами смертных, обездвиживают их цепями сожаления и наполняют отвращением к себе. В конце концов, зачем сопротивляться, когда все башни одинаково рухнут, все мечты окажутся несбыточными, все надежды вскроют лживое нутро? Хотя предвестники лишь номинально смертны или, по крайней мере, начинают как таковые, они не манипулируют эфирной энергией под стать колдунам. Предвестники служат, скорее, проводниками сущности Нургла и вызывают горестные эпидемии посредством гортанных заклинаний и продуманных, хотя и жутких жертвоприношений.

Отсюда происходит и самая дурнославная черта предвестников. Чтобы со всей точностью воззвать к божественной силе Нургла, они насылают череду ужасных предзнаменований, каждое из которых служит ритуальным катализатором, усиливающим влияние их бога в избранной вотчине. Известные как «семь ударов рока», эти знамения проявляются по-разному. Очевидцы рассказывают о том, как днём и ночью гудят невидимые колокола, как пресная вода обращается гноем и желчью, а домашний скот валится с ног и разлагается заживо. Неизменно лишь первое знамение (силуэт предвестника, появившийся на горизонте) и второе (гибель отчаявшихся защитников от рук чемпиона и его сторонников).

Оружие предвестников обладает не только устрашающим видом, но и практической ценностью. Многие орудуя длинными зловещими косами, коими пожинают жизни смертных, словно пшеницу. Другие несут покрытый патиной колокол, чей заунывный звон превращает внутренности в кисель. Но, вероятно, их самый жуткий инструмент – древние на вид клинки: коли верить легенде, любимые хворевары Нургла ровно на семь секунд погружали их в свои бурлящие котлы. Мечи служат проводниками отталкивающей сущности дедушки, которая воплощается в судорожной чуме; болезнь проявляется в виде влажных чёрных фурункулов на теле заражённых и подавляет всякое желание к жизни, а в последнее время она достигла масштабов мировой эпидемии и охватила самое сердце империи Зигмара.

Гнилоносцы видят в предвестниках сосуды Нургловой воли и потому испытывают к ним немалое уважение. Однако из-за сурового и мрачного характера – невосприимчивого даже к висельному юмору, который обожают многие сторонники Чумного бога, – а заодно и общей потусторонней ауры, окружающей предвестников, большинство взирает на них с опаской. Эти так называемые «пустолюды» ведут сторонников к новым завоеваниям и преследуют божественные цели Нургла, толкая перемещения чумных мух, но даже самый набожный король пагубы вздохнёт с облегчением, когда такой союзник скроется за горизонтом, чтобы примкнуть к другому губительному войску. При всём при этом среди Гнилоносцев встречаются избранники Нургла, которые питаются отчаянием смертных и становятся только живучее за счёт оно; они невольно тянутся к горю, что сеют предвестники, и собираются в ватаги, известные как судорожные братства. Предвестники нещадно презирают такую игру слов, но вот их воины ею восхищаются: Гнилоносцы братств непотребно болтливы и служат чудаковатым фоном для своих угрюмых хозяев; однако они прекрасно понимают, что именно предвестники поддерживают их могущество, и потому ни за что не позволят врагам прервать их священную миссию.

Семь раз по семь прозвонят оспенные колокола, хоть ты и прижмёшься к славному богу бури и уверуешь, что спасён. Следом явятся лихорадки и сочащиеся нарывы, и душа твоя вострепещет, и скот твой будет выть и стенать на человеческом языке, и на лачугах и путевых знаках появятся писания блаженного упадка, светлой гибели. Лишь тогда ржавые ворота сада распахнутся настезь. Всё придет к закономерному концу, и урожай твоего несчастья станет самым славным карнавалом. Да будет сие писано. Да будет сие известно.

Отрывок из «Фолианта неблагих знамений», обнаруженного в подвале под Богадельней Милостивого Зигмара в Сероводной Цитадели

Глава 7. Резня на пороге

Пока рассветоносные походы шли свои чередом, вестники рока собирали сторонников и подбирались к границам цивилизации. Но жертвой их стал не только Гиран. В каждом владении, кроме разве что небесного Азира, рокотали барабаны войны, предвещая новый всплеск вражды.

Фулгот бежал из Даленполя, и в куполе летаргии, накрывшем Гиран, образовались трещины. Упыри, убеждённые в праведности своего предназначения, выбрались из потаённых гнёзд и накинулись на черверодий; сами того не сознавая, они выиграли время для Освящённых Рыцарей, и те укрепили ослабевшие аванпосты. Дожди Аларизель неустанно омывали земли, противясь потоку Ротигуса, однако предвестники разложения действовали не только в Нефритовом Владении.

Нургл был одержим жизнью и смертью, и потому многие из его угрюмых всадников сосредоточили свои усилия в Шайше. Они оскверняли могилы и вылавливали трупы из болот и рек, приковывая демонов разложения к этим гниющим телам, пока, в конечном счёте, на звон колоколов не собрались толпы чумоносцев и смертных кадавров, внутри каждого зрела судорожная чума.

Как и предвестники, герольды костных свитков массово стекались во Владение Жизни, где возглавляли паствы обезумевших последователей и шествовали к полям будущих сражений. Среди них, однако, царило твёрдое убеждение, что о крестьянах дальних земель нельзя забывать; посему некоторые упыри разбрелись по иным владениям, неся священное послание в свитках из хрящей и кости. Сверхъестественная природа искрящегося Хиша отторгает самое существо нежизни, но даже туда, как ни странно, прибыли многие герольды. Быть может, Великий Некромант жаждал покарать то владение, где он потерпел своё последнее поражение; быть может, герольды подчинялись какому-то более хитрому указанию. Так или иначе, многие из них вскоре ступили на обжигающие пески и ветреные равнины Владения Света.

В Ксинтиле, за искателями просвещения, странствующими среди пустынь, могло стоять гнездо упырей во главе с одним из так называемых «Глашатаев Солнца». Куда реже герольды отправлялись в Великие Государства люменетов, но, по крайней мере, один из них прибыл к упыриному двору Горстейна Мортевеля, фанатичного «Светлого Императора», правившего Головокружительными вершинами Иметрики. Другие присоединились к когортам оссиархов, всё ещё терзавшим Землю Тысячи Вершин; кости этих священных воинов герольды поливали горячей кровью люменетов, коих нельзя было «убедить» присоединиться к общему делу.

Подземная активность

Другая группа посланников-каннибалов отправилась в Металлургику, что в Хамоне, в поисках вотчины короля-ремесленника Тиадора. Там они наткнулись на жестокую битву трёх воинств, развернувшуюся между Тиадором и его рыцарями – вернее, озверевшими упырями, в которых они превратились, – крысолюдами, что овладели диковинными технологиями, и гротами да трогготами, разодетыми во всякий хлам. Последние со свирепостью безумцев прорвались в самые глубины: коридоры потонули в облаках сверхъестественных спор, пока зеленокожие громили те немногие реликвии, что остались от королев-ремесленников, и швыряли упырей да скавенов в скрежещущие зубцами механизмы, с упоением слушая, как хрустят их тела.

Безрассудные акты насилия вершились под предводительством зеленокожих подстрекал, орудующих серпами. Когда все владения затрещали под тектонической яростью Эры Зверя, из разверзшихся

пропастей хлынули орды мракозлюбных, ведомые этими крикливыми вояками. В Гуре, пещеры Галлета стали настоящей ареной для битв, но в один миг все их наводнили гроты. Пронзительные вопли разнеслись по кавернам, и следом за зеленокожими, из густых теней, поползли всевозможные уродцы: от пещерных титанов до колодезных тварей. В промёрзшем Андторе, зеленокожие смутьяны вытащили на поверхность толпы покрытых сосульками трогготов и сквигов, и бок о бок с закутанными в меха огорами отправились грабить куда более щедрые земли.

Тенистый Улгу тоже подвергся нападкам гротов. Стоило кому-то из рассветоносцев забрести в туманные топи или неустойчивые пещеры, как зеленокожие утаскивали их в свои логова. И всё же народ Зигмара не сдавался, и на подмогу им снова и снова приходили грозные союзники – в особенности огненные убийцы, разукрашенные в боевые цвета и буквально полыхающие во тьме подобно маякам первобытного пламени. Ярче всего свет горел вокруг их предводителей – воинов с каменными лицами, чьи молоты светились такой огненной силой, что многие улгуанцы, привыкшие к непроглядной темноте, едва могли взглянуть на них. Дуардины не спешили делиться, откуда они родом; не считая прощёптанных клятв отмщения, вслух они говорили нечасто. Но вольные маршалы не придавали этому особого значения, пока замкнутые в себе дуардины чтили старые клятвы, а их пыл бодрил дух и отгонял глубокие тени сумрака, пронизывающие Серое Владение.

От самых границ Тондии и до протекторатов харадронских портов, боевые отряды избранников Гримнира под предводительством чемпионов, владеющих молотами, заключали соглашения с народами цивилизации или же просто-напросто прибывали накануне битвы, с мрачным выражением на лице предлагая своё мастерство и ставя единственное условие: пускай союзники им не мешают. Акши, родовой дом культа огненных убийц, стал местом наиболее массового появления этих необычных дуардинов – и именно в Акши вспыхнула ещё одна угроза для народа Зигмара...

Глава 8. Пламя очищения

Щупальца судорожной чумы дотянулись и до Хаммерхола-Акша. Однако перед ликом эпидемии отчаяния, захлестнувшей весь город, акшийцы не дрогнули и уже проверенным способом – огнём и рвением – принялись выкорчёвывать эту заразу.

Судорожная чума была нацелена на Гиран, но Хаммерхол-Акша, тесно связанный с Хаммерхолом-Гира через врата Буреразлома, также пострадал. Буреразлом был ключевым каналом торговли, и любой путешественник, что успешно пересекал врата владения, подвергался жёсткому досмотру Молотов Зигмара. Тем не менее, в огромной массе смертных что-то да проскальзывало. Очаги судорожной чумы вспыхивали регулярно, и Орден Азира занялся расследованием отдельных сообщений о «чумных плодах», проникающих в город.

По словам охотников на ведьм, чума сомнений наиболее сильно концентрировалась в промышленных зонах Хаммерхола-Акша. Отсюда она распространялась с помощью густых облаков магического смога до самого Старого Города. Цель эпидемии была предельно ясна: поставить Хаммерхол-Акша на колени, прежде чем он сможет начать свою самую агрессивную кампанию. Промышленных магнатов, проявлявших твёрдость духа, неизбежно находили мёртвыми внутри запертых изнутри комнат – кому и как удавалось проворачивать подобные убийства, оставалось загадкой.

У Хаммерхола-Акша не было богини, к которой можно было бы обратиться за помощью. Бурдюки с благословенной дождевой водой из Гира контрабандой провозились через Буреразлом, но Грозорождённые вскоре перекрыли этот ручеёк, опасаясь разгневать союзников сильванетов. В отсутствие магической помощи акшийцы взялись за дело с характерным для их рода пламенным

рвением. Воодушевлённые религиозными посланиями культов Унберогена, рабочие трудились с типично акшийским безрассудством, производя оружие и военную технику и не обращая внимания на какие-либо опасности. В краткосрочной перспективе решение оказалось эффективным, однако прижечь глубокие душевные раны Акша оно было не в силах.

О первых кострах заговорили в районе Палёных Холмов, однако там огни не задержались. Стремительность их распространения была связана с тайной поддержкой некоего представителя Великого Конклава. Занта Фалория, коллегият-архимаг с весьма буйным нравом, решила дать отпор эпидемии самым очевидным способом: разжечь священные костры, которые выжгут духовную порчу. Это был исключительно акшийский подход, но слишком уж беспощадный в своём исполнении. Полагая, что товарищи по Конклаву поддержат её, если она сможет убедить их в успешности затеянного предприятия, Фалория приказала своим агентам отправиться к культам поджигателей Хаммерхола – религиозным группам, которые поклонялись Зигмару в образе пламени, следующему за ударом молнии. Их жрецов видели по всему городу, в тех местах, где для поддержания магического резонанса должно было разжечь очередные костры. В сердце трущоб, где собирались тяжелобольные, они встречались особенно часто. Эзотерические расчёты Фалории не допускали отклонений; те «содрогнувшиеся», которые сгорали заживо, были учтены как приемлемый побочный ущерб.

Костры, казалось, успешно справлялись со своей задачей, однако рвение культистов-поджигателей вскоре распространилось на других горожан. Ситуация вышла из-под контроля, и всё, что считалось осквернённым, отправлялось в огонь: тут и предположительно «проклятые» артефакты, и бездомные животные, и, в конечном счёте, деловые соперники да непокорные любовники, коих обвиняли во грехе по надуманным причинам. В некоторых случаях целые районы, лишённые всяких признаков чумы, оказывались объаты пламенем. В надежде обрести новый дом обездоленные присоединялись к рассветоносным походам, и потому, сделав закономерный вывод, горожане винили во всём членов Конклава. Подобные «несчастные случаи» имели место даже за пределами Хаммерхола – в прибрежном Исоде Мореплавателя, например, – хотя убедительную связь между пожарами и Конклавом никто так и не установил.

Дети Гримнира

Когда приступы фанатичного самосожжения были в самом разгаре, отряд дуардинов прошествовал через ворота Хаммерхола. Огненные убийцы не были редкостью в Городе Пламени; об их доблести ходили легенды по всему Акши, и правители города потратили много времени и сил на заключение союзов с многочисленными магмокрепостями. Никто на улицах не осмеливался преградить им дорогу – слишком уж грозное впечатление производили дуардины.

Во главе отряда шёл Фьори. В кругу огненных убийц он был известен как grimбаразки – «изгнанник павшей твердыни», последний выживший из разрушенной магмокрепости и носитель её Старшего Пламени. Фьори хранил наследие Гузанхолда, твердыни в глубине Адамантовой цепи, которая была захвачена скавенами. Между Гузанхолдом и Хаммерхол-Акша существовали вековые клятвы, и Фьори считал своим долгом сообщить городу о судьбе своего народа. По пути в Хаммерхол он столкнулся со скитавшимися огненными убийцами, остатками других разрушенных крепостей. В их историях прослеживалась закономерность, которая обеспокоила Фьори: все они говорили о чудовище со странным порталом на спине и о камнешкурых трогготах, выбирающихся из глубин. И пока отряд дуардинов скитался на равнинах Капиларии, Фьори всё больше убеждался, что народ Зигмара надобно предупредить.

Увы, из-за продолжающегося кризиса у Великого Конклава Хаммерхола совсем не нашлось времени, чтобы выслушать необоснованные предостережения от бродячих дуардинов, хотя отнюдь не все его члены были настроены враждебно к пришельцам: канцелярия Катрики ле Гильон, главнокомандующей города, настояла на том, чтобы огненные убийцы остались в Хаммерхоле. Однако до тех пор, пока чума свирепствовала в городе, тратить ресурсы на расследование дуардинских заверений было просто нельзя. Стоит ли говорить, что огненным убийцам тактика проволочек совсем не пришлась по нраву. Их держали на карантине внутри Буреразлома, предположительно для защиты от судорожной чумы, но дни тянулись так медленно, что многие предпочли покинуть Хаммерхол – силой, если придётся. Фьори этого не одобрял, хотя всё чаще погружался в задумчивое молчание. В память о павших сородичах Хаммерхол выслушает его.

Фалория затеяла поджоги без одобрения Конклава, но, несмотря на попытки скрыть свою причастность, она всё же обзавелась единомышленниками. Понтифик Фенте – человек, которого некоторые обвиняли в попытке сосредоточить эклектичные культы Унберогена под своей властью, – приказал верным лей-клирикам проповедовать в поддержку этих костров. Любого хаммерхольца, грезящего второй Эпохой Хаоса, предавали огню или, в менее серьёзных случаях, призывали вступить в рассветоносные походы и отправиться в Гур, где торгующие пророчествами «блескуны» Эксельсиса наверняка прислушаются к ним. Учитывая недавние беды Города Секретов, посыл был очевиден.

Глава 9. Подземная угроза

Орда зеленокожих передвигалась под испепелёнными равнинами Великого Пекла. Благодаря подстёгивающим их дуробрёхам племена гротов разбушевались не на шутку, и путь разрушений неизбежно привёл их к Городу Пламени.

Оказавшись меж огнями промышленности и рвения, Хаммерхол-Акша практически не подозревал о надвигающейся опасности. В каком-то мрачном космическом смысле то была угроза, отчасти порождённая людьми Зигмара. В далёком Галлете, на продуваемом всеми ветрами континенте во Владении Зверей, волшебник Тарнадин возглавил контингент рассветоносцев на пути под землю, чтобы основать оплоты вокруг пещерных средоточий магии. Полный отчёт об испытаниях, выпавших на долю переселенцев, был широк и ужасен, но, несмотря на это, подход к основанию аванпостов под землёй постепенно распространился по всей империи Зигмара. Акшійцы узрели в том особую выгоду, ведь так они могли укрыться от палящего на поверхности зноя. И по мере того, как из Хаммерхола выходили новые рассветоносные походы, всё большее их число стремилось обосноваться в прохладных обсидиановых пещерах и туннелях.

Во тьме таилось множество врагов – от скавенов до пылающих воплощений, обретающихся вокруг залежей актрацита. Однако самую напористую угрозу представляли собой племена гротов. Рассветные вторгались в их логова – или, что ещё хуже, приводили с собой дуардинских «коротышек», – и это выводило гротов из себя. Может, дикий зов Эры Зверя рокотал в их черепашках, а может, они просто были воинственны сверх всякой меры. В любом случае, гроты и трогготы вышли на тропу войны.

На гребне этой безумной волны оказались зеленокожие подстрекатели – дуробрёхи. Никто не мог точно сказать, откуда они появились – лишь то, что их вечно сопровождали толпы «лобастых гротов», стаи прятких сквигов да неуклюжие титаны из подземных глубин. Все они истово жаждали проучить незваных гостей, и в Великом Пекле мало кто был вспыльчивее и самолюбивее Брэггита.

На извилистом пути через Капиларию Брэггит собрал неприлично большую армию гротов и трогготов,

продолжая рассказывать о своих подвигах всем тем, кто хотел послушать. Большинство зевак были не очень-то охочи до такого трёпа, но ради очередной, «внатуре чоткой» драки – или, по крайней мере, добычи, на которой можно выместить всю свою злобу, – они готовы были потерпеть. И потому Брэггит имел полное право с утра до ночи болтать о том, как разбудил самого громадного троггота, когда-либо виденного во владениях.

По природе своей гроты очень доверчивы, особенно когда сказки рассказывают те, кто крупнее их самих, но вот в небылицы Брэггита мало кто верил. В конце концов, трогготы таких размеров не появлялись со времён Первой Великой Вааа!, да и подтвердить свои слова дуробрёх никак не мог. Однако самые пронизательные зеленокожие кое-что заметили: если Брэггит и пытался спастись от чересчур вспылчивой зверюги (хоть такое определение и напрашивалось для любого троггота, разбуженного раньше времени), то делал он это достаточно поспешно и целеустремлённо.

Будь то бегство или поход на войну – зная гротов, вероятно, и то, и другое, – путь привёл Брэггита и его растущую орду лунатиков к пещерному оплоту Грефы. Грефа была одним из подземных поселений, основанных Рассветными, и представляла собой городок стеклодувов, едва ли не самых уважаемых ремесленников в Акши. Они поддерживали торговые связи с Хаммерхоллом через укреплённую сеть длинных туннелей, и всё же лучшие образцы их работы хранились в самой Грефе: затейливые полупрозрачные скульптуры, внутри которых мерцала сущность самого Акши. Ни один троглодит не мог без боли взглянуть на такие огни, и это-то и возмутило гротов более всего. Не теряя ни минуты, Брэггит приказал притким приспешникам разорвать защитников Грефы, и те исполнили поручение, упиваясь звоном рушащихся статуй.

Зент,

прими мою благодарность, чего бы она ни стоила. Твои хаммерхольские знакомые знают своё дело. Полагаю, что вскорости они передадут тебе всю информацию, но в духе сотрудничества хочу поделиться с тобой, что мои подозрения оказались верны. Зачастую представители Конклава – люди неглупые, но мы оба знаем, что они не застрахованы от порока. Тот, кто сегодня пополняет акваказну гильдейских приближённых, завтра может потакать всяко более зловещим прихотям. Наиболее ценной оказалась информация, полученная от учеников из культов поджигателей. Они слепо клялись, что следуют воле какого-то святого глашатая, и у Каллиса появились подозрения насчёт духовников. Возможно, он прав.

Тебе, несомненно, будет приятно узнать, что я последовал твоему совету и связался с Ковеном Пепла. Госпожа Крютея была непреклонна. Она убеждена, что за полыхающими кострами, опустошающими город, стоит некая магия, и что речь идёт не о безумстве, а о плодах чьего-то безжалостного сознания. Я бы сказал, что она прямо-таки гордилась своею находкой и заодно тем, что понтифик Фенте тайно советует с ней касательно происхождения некоторых запретных артефактов или фрагментов давних преданий. В Эксельсисе мы видели, что случается, когда правители поддаются беззаконию, и никто этому не препятствует. Я не допущу появления ещё одного Ортама Вермайра. Нужно что-то предпринять.

Толл

Грабежи и погромы

Копаясь в добыче, захваченной после набега, Брэггит пришёл к выводу, что Грефа связана с каким-то действительно серьёзным логовом юдишек. Когда же он обнаружил бутылки, сложенные штабелями и готовые к отправке, в этой мысли дуробрёх только укрепился. Как и все гроты, Брэггит был одержим всевозможными бутылками, ведь они служили отличными сосудами для хранения зелий на основе сквигова языка – тех самых снадобий, которые помогали ему вопить особенно громко. Любое местечко, где можно разжиться готовыми пузырьками, влекло к себе гротов. Поход по укреплённой сети туннелей ничем хорошим бы не закончился, но у дуробрёха был настоящий талант находить скрытые ходы и лазы.

И в конечном счёте лунатики Брэггита выбрались в катакомбы прямо под Хаммерхоллом-Акша.

К тому времени, когда перепуганные курьеры и механические соколы сообщили Конклаву о вторжении, выбравшиеся на поверхность зеленокожие уже сеяли смуту внутри городских стен. Гроты появились прямо под огромным стеклолитейным заводом, где изготавливались сложные мерные сосуды для хранения аква-гираниса – сущей жизненной силы всей городской экономики. Работа эта требовала особого оборудования (которое прямо сейчас гроты разбивали на куски) и обученных специалистов (которых они просто-напросто убивали). Вероятно, сами того не сознавая, зеленокожие нанесли удар прямым в сердце Хаммерхола.

Получив приказы, подразделения вольных гильдий прибыли в промышленный квартал, но языки пышущего на горизонте пламени не позволили им вмешаться. Обезумевшие гроты повредили несколько гигантских печей, и теперь весь комплекс был окутан дымом и пламенем. Солдаты смогли предотвратить распространение гротов по городу, но приблизиться к стеклольному заводу и потушить пожары они не решались. Грозорождённые наверняка преуспели бы в этом, но многие из них находились в походах или охраняли Пепельный Монастырь под Хаммерхоллом – место, куда гротам уж точно соваться не следовало. Катрика ле Гильон знала, что у них были и другие союзники. Недолго думая, главнокомандующая отправила послание Фьори и его Пламеносцам: «Ваша помощь обеспечит вас не только золотом, но и возможностью предстать перед Великим Конклавом».

Некоторые огненные убийцы ответили, что их предупреждения были проигнорированы, а значит хаммерхольцам предстоит самостоятельно встретить угрозу и понести наказание за проявленное неуважение. Фьори, однако, решил, что не оставит человеческих отпрысков гореть заживо. Союз Гузанхолда и Хаммерхола был всё ещё в силе, а его собственные воины присягнули ему в верности. Кроме того, именно отпрыски Горкаморки разрушили их дома, и за нанесённую обиду им ещё только предстояло отплатить.

Глава 10. Посреди пламени

Огненные убийцы поклялись отомстить за павших сородичей, и потому многим из них не терпелось свести счёты с ненавистными гротами. Им предстояло отправиться в самое пекло полыхающего стеклольного завода, и единственным их оберегом стала вера в дуардинского бога-воина.

Лишь немногие горожане осмелились бы преградить дорогу отряду огнебородых дуардинов с бешеными глазами, несмотря на задиристый характер хаммерхольского люда. Посему Фьори и его воины быстро добрались до промышленного квартала, недостаток естественной скорости компенсировала их выносливость. Отыскать место битвы оказалось совсем нетрудно, поскольку пламя, охватившее многоэтажный стеклольный завод, пускай и ненадолго, но всё же развеяло смог, окутывающий весь Хаммерхол. Пепел и осколки стекла сыпались им на головы, словно снег на высоких вершинах Адамантовой цепи, от таких осадков даже на толстой коже дуардинов оставались царапины.

Неподалёку от них вольные гильдийцы делали всё возможное, чтобы не дать толпам гротов выплеснуться на улицы города. Под покровом пепла зеленокожие не боялись жгучего света Хиша. С пеной у рта, словно охваченные манией, они бросались на поспешно собравшихся защитников. Однако, судя по доносившимся изнутри улюлюканьям и визгам, большинство гротов было увлечено погромом стеклольного завода. Акшийцы знали, как ковать снаряжение, способное выдерживать чрезмерную жару, но в случае с неистовством зеленокожих у них не было другого выбора, кроме как маршировать им навстречу, в самое пекло.

Даже Фьори и его сородичи – воины, рождённые среди жгучего пламени и заклеянные золотыми рунами с толикой могущества самого Пылающего Берзерка, – даже они опешили при виде адской вакханалии, развернувшейся внутри стекольного завода и напоминавшей сюжеты из каких-то эсхатологических текстов. Всё было в огне, всё лежало в руинах. Печи были разбиты, пламя рвалось из их покорёженных корпусов, обугленные трупы рабочих были нанизаны на собственные стеклодувные трубки и пригвождены к стенам. Сквозь дымовую завесу возле печей и огромных доменных факелов зияли широкие воронки, куда толпы гротов затаскивали ящики с блестящими бутылками. Сквиги прыгали сквозь пламя, врезаясь в хрупкие стеклодувные механизмы, словно грибные пушечные ядра.

В своём безумии гроты были далеко не неуязвимы к огню, но они будто бы не чувствовали его губительного жара. Со временем все они неизбежно сгорят; спасутся лишь те, кто окажется умнее сородичей и вовремя отступит обратно в туннели. Однако до этого самого момента гроты могли нанести такие разрушения стекольному заводу, что никакой ремонт ему уже не поможет. Только огненные убийцы могли продержаться достаточно долго, чтобы предотвратить это несчастье. Руны из празолота, выгравированные на их плоти, засияли защитной энергией, но такой суровый жар даже для них оказался серьёзным соперником. Свист пламени и грохот разбитого стекла заглушил боевые кличи дуардинов. С каждым вдохом огонь и дым наполняли их лёгкие. Каждый шаг требовал непомерных усилий, ведь им приходилось пробираться через лужи расплавленного силиката и груды острых осколков. Да и гроты себя не щадили. словно в недрах осаждённой магмокрепости, вражда между зеленокожими и дуардинами вспыхнула посреди горящей фабрики.

В какой-то миг прямо посреди развернувшейся бойни глаза Брэггита и Фьори встретились. Грот скрывался в устье провала, его визгливые команды разносились странным эхом. Взмах – и он распорол горло очередного дуардина своим серповым клинком. Фьори, тем временем, прорывался сквозь толпу зеленокожих и сквигов, от каждого размашистого удара его молотов дымящиеся тела врагов разлетались в разные стороны. Брэггит был кнутом, вгрызающимся в спины своих трусоватых приспешников, а Фьори – факелом, воспламеняющим души собратьев. Но оба они понимали, что лишь один выйдет живым из этой схватки.

Ганнивер,

предоставленный вами отчёт немного шокировал меня. Не считите за неблагодарность. У меня и самого были подозрения в неосмотрительности членов Конклава, но высказывать их я не спешил. Более терпеть это нельзя, ибо яд просочился в самое сердце Хаммерхола. Независимо от того, сколько отчаявшихся негодяев вы уничтожите, не будет никакого положительного эффекта, покуда лидеры города продолжают отдавать предпочтение жадности или гордыне. Как Зигмар однажды очистил Азирхейм от грехов, так и мы должны последовать его примеру. Я свяжусь с теми, кто сможет в этом помочь. Мы будем придерживаться прагматичного подхода.

Скрытая Длань

Глубинное пожарище

Брэггит действовал первым. Дуробрёх заверещал, чтобы его прихвостни окружили изгнанника, и гоббашобла мгновенно принялась стягивать липкую энергию, кружившую неподалёку. Волны чистой злобы пронеслись сквозь тлеющий воздух напрямик к Фьори, но огненная аура Старшего Пламени, окутывающая дуардина, мигом обратила их эфирным пеплом. Правда, самих троглодитов было не так-то легко одолеть. Потребовалась вся сила празолотых рун Фьори и вся мощь его неукротимой души, чтобы продолжать крушить молотами бесчисленных гротов, сгрудившихся вокруг. Окружённый верещающей массой чёрных мантий и шипящей сквигоплоти, он потерял из виду всех сородичей. Но даже тогда изгнанник готов был поклясться, что его воины либо забивают редкого камнеголового троггота,

которого гроты заманили на пылающую фабрику, либо несут возмездие толпам буйствующих зеленокожих, покусившихся на стеклянные пузырьки.

Чем яростнее Фьори сражался, тем сильнее откликалось пламя Жарркула, заключённое в его молотах, и тем ярче горели гроты. Вскоре, однако, изгнанника взяли в плотное кольцо. Брошенное копьё оцарапало его рёбра, и магические токсины, вызванные гоббашоблой, забурлили в его крови. В тот же миг челюсти сквига отхватили ему два пальца, хоть Фьори и обратил наездника в пепел. Изгнанник взревел, но рёв его заглушил пронзительный визг, когда летучая сквигомышь метнулась сверху, стремясь выцарапать глаза. Дуардин повалился на колени, окружённый толпой маленьких тел в чёрных робах. Он видел, как Брэггит улюлюкает и ликующе ухмыляется.

Кровь Фьори окропила его молоты. Как только это произошло, огонь внутри, казалось, ответил на безмолвный зов. Ярость Старшего Пламени вытеснила боль из конечностей Фьори и заставила его подняться на ноги. Выкрикивая клятву на древнем языке жарр-кхазалид, изгнанник павшей крепости ударил молотом о молот. От столкновения возникла ослепительная вспышка стихийного пламени. Жар был столь сильным, что поглотил бы и гарганта. А уж у гротов не было никаких шансов. Фьори оказался в сердце огня, его руны раскалились до предела, а глаза смотрели не моргая, как зеленокожие верещат и обращаются пеплом.

Гоббашобла взывала, пытаясь создать барьер из липкой магии, но все они сгорели дотла прежде, чем смогли закончить заклинания. Их усилия, однако, замедлили наступление пожарища, и то не успело поглотить Брэггита. Дуробрёх вскрикнул, когда половина его тела внезапно вспыхнула, охваченная ослепительным огнём. Его броня из сквиговского черепа быстро почернела и растрескалась. Горящая тушка Брэггита унеслась обратно, во тьму катакомб, и его яростные крики эхом зазвучали в грубо вырубленных стенах. Вся бешеная храбрость, которая овладела гротами, быстро улетучилась. Вздвигающейся массой они бросились обратно в пещеры, не в силах больше терпеть воющее пламя. Их отступление было последним, что увидел Фьори, прежде чем потерять сознание...

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рассветоносцы._Книга_I:_Предвестники_/_Dawnbringers._Book_I:_Нарбингс_\(кампания\)&oldid=24490](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рассветоносцы._Книга_I:_Предвестники_/_Dawnbringers._Book_I:_Нарбингс_(кампания)&oldid=24490)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 февраля 2024 в 15:17.